

**БАТУРИНСКАЯ ДРАМА 1708 ГОДА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ**

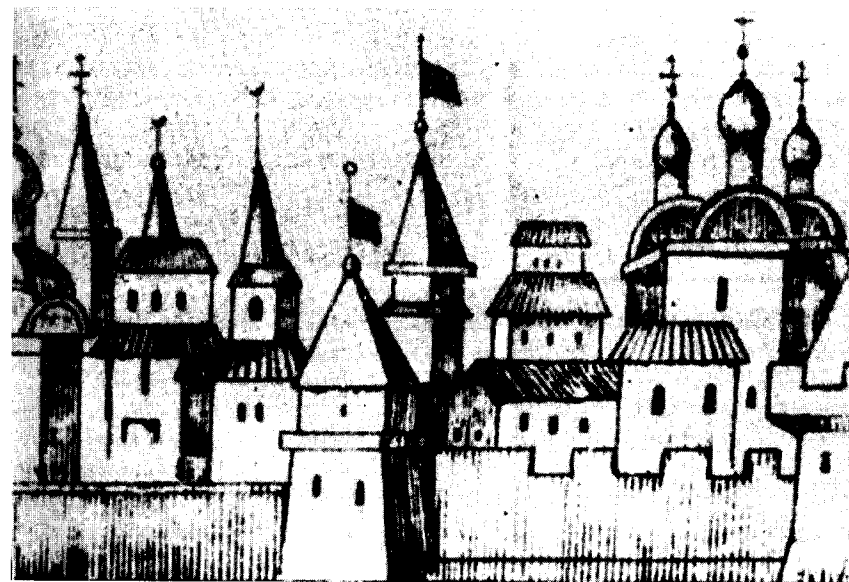

Рисунок с гравюры XVIII века.
В. Литвин и др. Иллюстрированная история Украины. —
Киев, 2001. С. 103

Взятие Батурина осенью 1708 года и последующее истребление его обитателей в украинской историографии стало хрестоматийным примером жестокости царя Петра. Большая часть украинских историков, от Н. Аркаса до О. Субтельного и С. Павленко, описывают взятие гетманской столицы как некий исключительный акт жестокости, сравнимый только с позднейшим взятием Сечи (1709 г.)

Яковлевым и Галаганом [1, 2]. Такую жестокость они объясняют исключительно украинофобией царя и его приближённых, что соответствует авторским трактовкам о пагубности пребывания украинских земель в составе России. Отметим, что в этих работах нет попыток анализа обычаев ведения войны и осады крепостей того времени, поэтому заключить, насколько драма Батурина была чем-то из ряда вон выходящим в те времена, весьма затруднительно.

Целью этой статьи является снятие идеологических напластований с батуринской истории, рассмотрение событий в контексте европейской истории того периода, выявление роли батуринских военачальников в драматических событиях, а также доказательство безосновательности обвинений в адрес Петра I и А.Д. Меншикова.

Начнём с доказательства невиновности и обратимся к военной практике XVII–XVIII веков. Трудами и практикой таких инженеров, как Де Вилль, Вобан, Кегорн и других, искусство взятия крепостей так продвинулось вперёд, что понятие «неприступная крепость» стало анахронизмом. Многолетние осады ушли в прошлое, Теперь крепость бралась за короткий срок и её гарнизон мог надеяться на лучшее лишь в случае подхода подкрепления от своей армии или голода и эпидемии в стане осаждающих. А правильная осада приносила успех почти гарантированно. Почти, — потому, что неквалифицированное ведение осады, как Выбога-русскими в 1706 году или Полтавы шведами, ещё было возможно, но профессиональная её организация гарантировала успех. Кегорн брал крепости за два-три месяца (Намюр за 53 дня), Вобан взял тот же Намюр, защитой которого руководил Кегорн, за 35 дней [9].

Но очень скоро взятие крепостей последним решительным штурмом стало редким оттого, что во время штурма атакующие входили в такое яростное боевое исступление, что не щадили никого. Население и гарнизон уничтожались до последнего, и остановить это истребление никак не удавалось. Осаждённых такая перспектива не радовала, но сдаваться сразу было неблагоприятно. Осаждающих также не прельщало зрелище собственного зверства. Следовало учесть и то, что любой полк штурмующий крепость мог повторить судьбу своих жертв. Да и как потом уговаривать провинцию сменить подданство — после истребления её городов?! Поэтому установилась общепринятая практика осад — гарнизон и жители упорно обороняются до образования проходной брешы в стене. Дальше следовала капитуляция. Если гарнизон сдавал крепость на лучших условиях, т. е. не затягивая оборону, то он мог взять с собой своё имущество, знамёна, часть артиллерии, если на худших — получал

только запас еды на время похода к своим. Тот гарнизон, который держался до последнего, истреблялся полностью. Такая практика устраивала обе стороны. С этого момента «высшим пилотажем» обороны крепостей стало максимальное оттягивание того момента, когда будет образована проходная брешь (обычно это делалось посредством создания дополнительных линий обороны или вылазками). Когда противник «короновал гласис», то оборона крепости подходила к концу, кто бы ни руководил ею — Стирнстарль или Вобан.

Доверие к новым методам осады было столь безоговорочным, что в середине XVIII века французские инженеры полагали, что осаду по методу Вобана не выдержит ни одна крепость, и изощрались в выведении формул, сколько дней и часов на это нужно для каждой конкретной крепости [6, 9]. Основания для такого оптимизма были — последний раз в полном объёме постепенная атака по методу Вобана применялась под Порт-Артуром в 1904 году.

Таким образом, к 1708 году все знали, что «переговоры — воля, первый мой выстрел — неволя, штурм — смерть».

Российская практика не отличалась от европейской. Рассмотрим все удачные взятия городов и крепостей русскими войсками в Северной войне. Неудачи, вроде первой осады Нарвы, исключены потому, что нас не интересует судьба тех гарнизонов, которым в случае неудачной осады ничего не грозит.

Быхов — сдался после бомбардировки.

Нотебург — поскольку полноценной брешы не было, штурм затянулся. Гарнизон недолго сопротивлялся и сдался. После сдачи отпущен в Ниеншанц.

Ниеншанц — сдался после обстрела.

Копорье — сдался после образования проходной брешы.

Ям — сдался после обстрела.

Варшавская цитадель — сдалась после обстрела.

Дерпт — после образования проходной брешы начался штурм. Комендант, видя успех атаки, попросил пощады. Штурмующие вошли в раж, и их с трудом удалось остановить. Гарнизон понёс потери, но был отпущен к своим.

Нарва — ситуация с затяжкой сдачи повторилась. Комендант дал барабаном сигнал сдачи уже после прорыва в город. Разъярённых солдат останавливали с большим трудом с помощью оружия.

Ивангород — сдался после переговоров, отпущен к своим.

Митава — сдался, отпущен.

Бауск — сдался, отпущен.

Батурин — взят штурмом, гарнизон перебит.

Сечь — взята штурмом, гарнизон перебит.

Рига — сдалась после довольно долгой осады и эпидемии чумы в городе, гарнизон пленён.

Динамюнде — аналогично Риге.

Перцов — гарнизон почти весь вымер от чумы, и крепость почти не сопротивлялась.

Ревель — сдался после нескольких месяцев осады. Гарнизон имел возможность уплыть в Швецию, т. к. с моря блокады не было.

Выборг — сдался после образования проходной брешли, гарнизон пленён.

Кексгольм — сдался после бомбардировки, гарнизон отпущен.

Теннинген — сдался после блокады, гарнизон отпущен.

Штеттин — сдался после осады и обстрела.

Гельсингфорс — дважды оставлялся шведами после подхода русских к городу.

То есть на 22 города и крепости в двух случаях защитники сопротивлялись до конца и перебиты, в двух случаях из-за позднего сигнала о сдаче едва не произошло то же самое. Когда комендант следовал общепринятому обычаю — всё шло по обычаю. Если Пётр был столь кровожадным, как это ему приписывают, то зачем он бросался лично останавливать резню в Нарве, рискуя при этом своей жизнью? Постоял бы и понаслаждался зрелищем! Но Пётр поступил как должно (очевидно, назло будущим историкам) [3, 4].

История ухода Мазепы в шведский лагерь общеизвестна, следует добавить только новейшие дополнения. По мнению С. Павленко, Мазепа замыслил уход из-под управления русских царей ещё в 1692 году и деятельно готовился к этому, выбирая момент. При этом он сформировал когорту однодумцев из 120 человек из верхних эшелонов своей администрации. Простые люди не знали об этом, и их агитация не проводилась. Около 1707 года Мазепа установил связь сначала с польским королем Станиславом Лещинским (ставленником Карла XII), а потом и с ним самим. Был заключён тайный договор. Мазепа рассчитывал перейти на сторону Карла, когда тот пойдет на Москву, чтобы избежать боевых действий на территории Украины. Но 15 октября 1708 года Карл внезапно для Мазепы повернул от Смоленска на Украину. Мазепа был этим недоволен, но 24 октября ушёл из Батурина навстречу шведам и через два дня достиг шведского лагеря. 27 октября до Петра доходят

первые вести об уходе Мазепы, которым он еще не верит. 28 октября информация подтверждается, и Пётр начинает действовать. Одним из мероприятий была посылка корпуса Меншикова к Батурину для его удержания за собой. Пётр рассчитывал на это, поэтому к гарнизону везли письмо царя, где он сообщал, что считает батуринцев стоящими на его стороне и указывает о необходимости обороны города, для чего его гарнизон усиливается полком русской пехоты. Утром 31 октября к городу прибыл царский посланник, которого приняли холодно и грубо, но прямо не сообщили о поддержке Мазепы. К полудню подошли войска Меншикова, переговоры продолжались [3].

Теперь о самой крепости и её обороне. Крепость занимала площадь 14–15 гектаров и стояла на берегу Сейма. Укрепления включали ров, земляной вал и деревянные стены протяжённостью около 900 метров. Имелось трое ворот в напольных частях стены и четвертые на берегу реки. Имелось 6 глухих башен. Со стороны реки крепость не была сильно укреплена, так как обрыв берега препятствовал штурму. Кроме того, в городе был укреплённый дворец Мазепы размерами приблизительно 100 на 100 метров. Часть церквей была приспособлена к обороне, имелась также сеть подземных ходов. В городе были командиры: полковник Чечель (С. Павленко называет его наказным гетманом), артиллерийский есаул Кенигсек, два полковника, батуринский сотник Дмитро плюс ещё какое-то начальство, так как там были 4 полка полностью и два частично [1, 3]. Артиллерия состояла из 70–80 пушек и мортир. Боеприпасов и провианта хватало. В городе много было беженцев, укрывшихся под защитой стен. Перед осадой укрепления были приведены в порядок, однако в полках не хватало командиров. Мазепа приказал оборонять город. Чечель, как доверенное лицо Мазепы, знал об его уходе к шведам.

Переговоры о том, впускать ли в город полк русской пехоты, шли почти весь день. Сначала батуринцы пытались изобразить святую простоту — «мы царю служим, но в крепость не пустим». Одним из аргументов отказа было то, что, хотя вести о Мазепе известны, но, пока нет нового гетмана, впустить в крепость не можем. Это говорил наказной гетман, сиречь исполняющий функции гетмана. Но потом батуринцы повели себя вполне однозначно и взялись за оружие. Ночью Чечель обстрелял лагерь Меншикова. Оборона продолжалась с ночи с 31 октября на 1 ноября до 6 утра 2 ноября, когда город был взят штурмом. Войска проникли через

потайной ход, о котором осаждающих известил наказной полковник Нос, который воспротивился переходу на сторону шведов и был прикован цепями к пушке, ожидая суда по возвращению Мазепы. Он вроде бы послал своего приближённого к Меншикову [1, 3].

Потайной ход оказался доступным, и город пал. Интересно отметить, что войска Меншикова состояли в основном из драгун и осадной артиллерией не располагали. При взятии города потери осаждающих составили 3 тысячи человек (неизвестно, с учётом раненых или только убитых). Потери батурицев составили до 12–14 тысяч человек. В их число входят от шести до семи тысяч жителей, остальные — гарнизон. По данным, приведённым С. Павленко, после взятия уцелело 1440 жителей, около трёхсот сердюков (войска, содержавшиеся за счёт гетманской казны) и до трёх тысяч казаков. Уцелел и Чечель, который покинул крепость и скрылся в селе у знакомых, но позже был выдан. Сохранилось письмо двух казаков, взятых в плен в Батурине и увезённых в Россию. Из него следует, что войска по минованию боевого неистовства стали брать батурицев в плен.

Таким образом, защищаясь до конца, батурицы выбрали свою судьбу. Даже если Чечель не был знаком с общепринятыми обычаями войны и осады, то Кенигсек это должен был знать — он командовал артиллерией при взятии Быхова. Их воля — их доля. Казаки кричали с валов, что умрут, но столицу не сдадут. Их воля — их доля. О мирных жителях — если они хотели защищать дело Мазепы — то опять же их доля зависела от их воли. Если же люди хотели просто жить, то погубил их Чечель, который должен был либо удержать город, сохранив их жизни, либо в ходе переговоров с Меншиковым оговорить выход не желавших сидеть в осаде нонкомбатантов (последнее было на руку и Чечелю, так как сберегались необходимые для обороны запасы). Но Чечель оказался не способным ни на то, ни на другое. О том, как прощляпили охрану потайного хода, и говорить не стоит, ибо создаётся тяжёлое впечатление о самом Чечеле, о Мазепе, который никого умнее на этот пост не нашёл, об авторах многочисленных «Историй Украины», которые этого тоже не увидели, а всё кляли покойного Носа.

Ещё несколько слов о русской жестокости. О ней в те времена писал Паткуль [8], продолжают писать и сейчас. Увы, конкурентов в этом у русских хватало и тогда, и сейчас. Скажем, шведы в 1704 и 1706 годах устраивали массовые убийства русских пленных после удачных сражений. Такого избиения шведских пленных не было

ни после Гуммельсгофа, ни после Лесного, ни после Калиша, ни после Переволочной, ни после Пелкина, ни после капитуляции в Померании. Казаки Мазепы так активно опустошали Эстляндию и уводили с собой эстонцев, что могут сравниться с крымскими татарами (интересно, куда потом делся эстонский «ясырь»? Не в Крым ли?) [4].

Шведы так же активно опустошали Германию в Тридцатилетнюю войну — память об их деяниях дожила до XX века. Остальные участники тоже старались (к подавлению чешского восстания против Габсбургов приложили руку украинские казаки) так, что не снилось и Чингисхану. В огне этой войны сгорели и остатки славян Германии, не добытых крестовыми походами и не подавившихся онемечиванию. Далее была война 1648–1667 годов, которая только белорусским землям обошлась в треть населения. К этой гекатомбе приложили руку все участники — Брест брал не только Хованский, но и Януш Радзивилл (сначала как польский полководец, потом как шведский). Зверства армии Короля-Солнца в Палатинате ошеломили всю Европу, уже «повидавшую виды».

Северная война опять обошлась белорусским землям в ту же треть населения. Надо ли продолжать? Да и Паткуль вскоре смог убедиться, что шведы не гумашнее. Но написать об этом он уже не смог — после колесования это было затруднительно. Долгая осада и многочисленные штурмы Сарагосы в 1808 году стоили ей половины населения и гарнизона, т. е. около 54 тысяч жизней. Но Сарагоса в итоге капитулировала и последующего избиения не было [7]. Штурм Буды в 1849 г. обошелся гарнизону в треть состава, поскольку крепость капитулировала, как и Нарва, с запозданием [8]. Штурм Порт-Артура в 1894 г. закончился резнёй, чего не было при взятии японцами Вейхавей в следующем году, Таку через шесть лет, Порт-Артура через десять и Циндао через двадцать, хотя многие японцы участвовали в нескольких из них [5]. Объяснить, почему одни и те же японцы 23 ноября убивают всех подряд, а 14 февраля ведут себя совсем наоборот, несложно с точки зрения законов и обычаев войны. Если этого не знать, то придётся оперировать малосодержательными понятиями вроде влияния на них фаз Луны.

Вывод напрашивается сам собой. Батуринские события нуждаются в тщательном анализе историка, ликвидации идеологических штампов в их описании и создании их трактовки, свободной от «гнева и пристрастия». Автор надеется, что его работа послужит к этому побудительным мотивом.

-
- ¹ Аркас М.М. Історія України — Рус. — Київ, 1993. 414 с.
- ² Жуковський А., Субтельний О. Нарис Історії України. — Львів, 1992. 239 с.
- ³ Павленко С.О. Іван Мазепа. — Київ, 2003. 415 с.
- ⁴ Широкоград А.Б. Северные войны России. — М., 2001. 848 с.
- ⁵ Широкоград А.Б. Россия и Китай. — М., 2004. 446 с. С. 77–79.
- ⁶ Энгельс Ф. Фортификация // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 14. — М., 1959. 898 с.
- ⁷ Энгельс Ф. Сарагоса — Париж // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 17. — М., 1959. 890 с.
- ⁸ Энгельс Ф. Буда // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 14. — М., 1959. 898 с.
- ⁹ Яковлев В.В. История крепостей. — М., 2000. 400 с.